

До востребования

1

ЗДРАВСТВУЙ, мама. У меня все хорошо. Я многое узнала, увидела и поняла. У меня есть работа и новая жизнь. Это так немало для человека, если честно. Но я вру. Это чертовски мало для молодой девушки.

Я вру тебе, мама. Мне плохо тут. Я оказалась слабой. Я так рвалась сюда и так хотела, но оказалась слабее. Одиночество точит людей, мама. Они становятся острее, тоньше и глаза... Не знаю, как это назвать или описать, но глаза становятся такими, что фотографироваться совсем нельзя. С такими глазами только в музей пыток.

У меня никого нет, мама. Совсем никого. У меня есть работа, квартира, и всё. А по выходным мне даже не для кого печь пироги. И убираться незачем, потому что даже подруга не зайдёт попить кофе и никто не увидит, какой у меня слой пыли на фотографиях. Ты бы испугалась. У меня даже фотографий почти не осталось. Только те, где мы с тобой и с папой. Остальные сняла — люди на них уже слишком в прошлом. Мне даже никто не позвонил на день рождения, представляешь?

Я, когда была маленькая и глупая, так мечтала об этом одиночестве. Я хотела его растягивать, тянуть через трубочку. Так, знаешь, брать вечером плед, хорошую книгу и садиться читать на широкий подоконник. Или вот сесть в день рождения с тортом с одной свечкой и большой ложкой. И под плейлист любимых старых песен съесть его этой огромной ложкой.

Нет, мама, мне совсем не нравится это одиночество. Совсем. Это всё ужасно разрушает. Я делала всё, о чём написала, но это не доставило мне никакой радости. Совсем ничего пикантного, как я думала. Нет ничего умилительного в девушке, сидящей ночью на подоконнике и читающей. На улице женщины или с парами, или мужчины. И никто из них тебе не знаком. И никто из них не знает, как ты слюни пускаешь, глядя на них, таких живущих. Что ты тоже хочешь, чтобы хоть что-то жило в тебе.

Я иногда заглушаю тишину, мама. Специально. Потому что тут ужасно глухо. Я специально роняю книги, включаю кофе-машину, стучу ложкой о края, закрываю двери шкафа. В общем, делаю всё, чтобы не помнить обо всём, чего у меня нет.

Я так мало разговариваю, мам. Ты можешь себе представить? Я! Та девочка, которая томила тебя вечерами разговорами о том, что происходило за день, и что она узнала. Я! Теперь сов-

сем не разговариваю. У меня ужасная жажда. Я хочу завести себе рыбок и разговаривать с ними хоть чуть-чуть. Я так рехнусь, наверное. Просто считай, что у меня всё смертельно спокойно. Ужасное определение, но всё именно так.

Ладно, мама, ты не переживай за меня. Всё ведь в порядке. Я люблю тебя. Твоя дочь.

2

ЗДРАВСТВУЙ, мама. С последнего моего письма многое изменилось тут. Город занесло снегом. Ну, ты помнишь эти зимы в Карелии, так что я не буду тебе рассказывать. Но скажу, что всё это волшебное.

Ты не поверишь, мама, кого я тут встретила. Ни за что не поверишь. Витю! Моего Витю. Помнишь его? Он учился со мной с четвёртого по шестой класс. Мы с ним пожениться собирались. И кот у него был с коротким обручком вместо хвоста. И вечная четвёрка по русскому языку, помнишь? Мы с ним встретились случайно в баре. Я его не узнала даже сначала, так он вырос и возмужал.

Он мне рассказал, что с нашими девочками из класса всё очень хорошо. Они работают в Питере, все стали хорошими врачами. Надюша уже вышла замуж и ждёт ребёнка. У Вити есть чудесная девочка. Я её видела — он нас знакомил. Она очень милая и ей девятнадцать лет. Представляешь? Я уже совсем старуха в свои двадцать пять. Мне так страшно рядом с ней и неловко. Я чувствую себя бабулей. А она очень хрупкая, тоненькая, и, когда он её обнимает, мне кажется, что она рассыплется. Настолько она нежная и незащищённая.

Мальчики наши все спились, мама, как это ни прискорбно. Только у Ильи интернет-кафе и он как-то держится. Илью ты должна помнить, он мне писал стихи на уроках и рисовал остров с закатом и парусником ручкой. А его мама готовила просто изумительный пирог с клубникой. Я очень хочу зайти к нему в гости, но всё никак не соберусь. Мне стыдно перед ним. Стыдно, что я тогда уехала и совсем ничего не сказала. Но так ведь бывает. На меня тут нечего сердиться. Видно, такая судьба у людей из маленьких городов. Оттуда либо вырываешься, либо гниёшь заживо. А я зачём-то вернулась. И даже сама уже не могу понять — зачем.

Я теперь на выходных пеку пироги и убираюсь, потому что Витя часто приходит со своей девочкой в гости. У них в этом городе тоже очень мало знакомых осталось, поэтому как-то мы приятно сдружились с ними. Мы часто си-

дим в баре на берегу. Я танцую там. Наконец-то я танцую! Мама, ты же помнишь, как я это люблю. Меня даже приглашали в местную танцевальную группу, и я пока думаю, но, скорее всего, откажусь. Потому что мне двадцать пять, мама, и я такая старая и обременённая, ты себе даже не представляешь. Ты, наверное, смеёшься сейчас надо мной, такой глупой и наивной, но это всё так. Я стала ужасно самостоятельная, и ты меня совсем не узнаешь теперь.

Ладно, мам, я напишу тебе ещё. Люблю, целую. Твоя дочь.

3

ЗДРАВСТВУЙ, мама, у меня снова новости. Витя и его девочка, которую, кстати, зовут Вика, поженятся. Да, они совсем скоро поженятся. А я буду свидетельницей! Только одна проблема тут у меня — не могу найти платье. Ты же помнишь, что тут на весь город три магазина. Я съезжу в Питер, наверное, чтобы быть очень красивой. После невесты, конечно. В Вике я совсем не сомневаюсь — она будет самая-самая. Вообще Вите с ней очень повезло. У неё чудесный характер и она безумно красивая. Я тебе пришлю их фотографию обязательно.

Мы ездили с ней в Финляндию за свадебным платьем и чудесно провели время. Главное — выбрали самое красивое платье на земле. Ты не сомневайся, мама, я ведь старалась для неё, как для родной, так что всё будет чудесно. Я взяла на себя даже часть организационных вопросов, так что всё пройдёт безупречно, я уверена. Гостей будет совсем немного, но зато самые близкие и родные. А ещё они купили квартиру и уже заканчивают ремонт. С этим я им тоже помогаю. Как дизайнер-декоратор. И не смейся! Им очень нравится.

Вообще я рада, что они появились тут, в моей жизни. Мне стало намного легче и веселее. И есть, о ком заботиться. Я чувствую себя Витиной старшей сестрой, несмотря на то, что я младше его на год.

Кстати, совсем забыла тебе сообщить, я сходила-таки в гости к Илье — мне Витя нашёл адрес. Я разочаровалась, мама, совсем разочаровалась в нём. Ему двадцать шесть лет, а он совсем ребёнок. К нему в интернет-кафе заходят в основном мальчики тринадцати лет. И он не очень-то далеко от них ушёл, к сожалению. Разве что ростом повыше и ответственность, кажется, есть за своё дело. А так он живёт где-то в виртуальном мире. То чаты, то контакты, то форумы. У него даже есть какая-то виртуальная

подружка, которая хочет к нему приехать — она из Петрозаводска, кажется.

Но в чем его не упрекнёшь, так это во внешнем виде. Одет он, конечно, изумительно. То в хорошем, дорогом костюме, то в приличных джинсах. Я думаю, это всё его мама старается. Он бы вряд ли сам этим занимался. И пахнет от него очень хорошо. Так пахло от мальчика, с которым я в первый раз поцеловалась. Витя, кстати, Илью тоже пригласил на свадьбу. Надеюсь, он не заиграется и не забудет.

Вот, пожалуй, и все новости пока. Я напишу тебе после того, как пройдет свадьба. Целую, люблю. Твоя дочь.

4

ЗДРАВСТВУЙ, мама! Я пишу тебе раньше, чем собиралась. У меня очень много новостей.

Я недавно ездила в Питер за платьем и купила очень красивое, но это не так важно. Я приехала туда и не выдержала — пошла посмотреть на окна квартиры того мальчика, в которого я была влюблена на втором курсе, помнишь? Его звали Влад. Чудесный был мальчик, но с большими тараканами в голове и пропадал постоянно. Я ещё с тобой спорила, что это всё по важным делам, а ты переубеждала, что всё не так и я навдумывала эту его любовь ко мне. Я с тобой всё время спорила, а его ждала. Но ты оказалась права, мама, к сожалению. Как всегда права.

Да я и не то что бы посмотреть на окна, а так, прогуляться по набережной хотела. И вот я гуляю, и тут он выходит из арки дома. Ты можешь себе представить, что со мной тут случилось! У меня так голова закружилась, что я не знаю, каким чудом на ногах устояла. Я так испугалась, будто он меня застал на месте преступления. Я бежала, мама, бежала с места этого преступления. Бежала, что бы он не увидел меня, не распознал мои мысли, потому что я очень в тайне надеялась на то, что встречу его, скажу что-то. И пожалуй, даже на то, что у нас ещё что-то будет. Это всё ужасные глупости. Он изменился, мама. Он сбрил бороду и надел костюм.

Всё самое страшное произошло позже. Мне позвонили. Я взяла трубку и поняла, что это он. Что это его голос. Голос, который не изменили ни шесть лет, ни костюм, ни отсутствие бороды. И я поняла, что не менять номер телефона годами очень полезно. Он сказал, что видел меня, что я очень изменилась и что он хотел бы встретиться. И тут я сошла с ума, мама, — я согласилась. Я даже доехала до места нашей встречи и даже посмотрела на него издали, только вот

не решилась подойти. Очень испугалась, что сделаю глупость какую-нибудь. Что сбегу к нему, например. А мне нельзя, мама, нельзя. Мне же скоро двадцать шесть, а у него тараканы, может, не перевелись ещё. Мне нельзя забывать, что мне уже много лет и нужно остепениться, детей рожать.

Кстати, я совсем тебе забыла сказать. Меня повысили, и я теперь редактор нескольких передач нашего канала. Так что мне теперь никак нельзя глупости делать, а рядом с ним я не умею себя останавливать. Но какое же это было счастье, мама, слышать его улыбающееся и чуть виноватое «алло» в трубке телефона. Просто самое счастье.

Да, и ещё одно событие тут у нас произошло. К Илье приехала та самая девушка из Петрозаводска. Он ко мне в гости приходил и рассказывал. Это, мама, и смех и грех называется. Девушка на деле оказалась совсем не такой, как на фотографии. Она оказалась огромных размеров, нелепая, с косами до пояса, на восемь лет старше и из маленького городка. Она плохо говорит, ужасно одевается и зовёт Илью замуж. Да, именно так ему и сказала: «Иди за меня замуж». В итоге он купил этой девушке обратный билет и даже не пришёл проводить. Теперь Илья ходит ко мне постоянно в гости и просит готовить пирожки из слоёного теста. А периодически и сам приносит сладости. Так что все мои похудания пошли насмарку, мама. И мои минус семь килограмм, которыми я так гордилась, уходят в плюс. Вообще я боюсь, что всё это плохо кончится. Не в смысле, что я толстею, а в смысле, что мы с Ильёй стали проводить много времени вместе. Он стал «омушциниваться», как говорит моя чудесная Вика. А мне нельзя, совсем нельзя сходить с мужчинами, которые всего на год старше. Мне не меньше четырёх лет разницы нужно. И что мне с этим делать — ума не приложу. Похоже, мама, нужно опять бежать. Куда-нибудь ещё подальше.

Всё пока. Я люблю тебя и целую. Твоя дочь.

5

ЗДРАВСТВУЙ, мама. Хорошие новости тут у нас. Мои Витя и Вика поженились. Они были самыми чудесными молодожёнами, которых я только видела. Всё прошло замечательно. Приезжали, кстати, и девочки из Питера. Они очень изменились и похорошели, конечно. Надюша ждёт уже второго, а Анютка вышла замуж. Наташа со своим мужчиной поругалась и была не в духе, но это совсем не помешало нам устроить

замечательную вечеринку. В общем, отрывались мы по полной.

Мама, так много событий произошло за этот год. Просто ужас как много, по сравнению с первыми месяцами здесь. Я, кстати, поймала букет! Я, правда, не хотела, но он сам поймался. Это хорошо, мама. Значит, скоро замуж. Значит, скоро всё будет совсем хорошо.

Я ужасно изменилась. Помнишь, пару лет назад я была ужасной максималисткой и дурой. Я хотела одиночества и карьеры, карьеры. Теперь же я другая, мама. Я теперь хочу семьи и пресловутого уюта, которого хочет каждая. Я так не хотела всегда быть как каждая, но все приходят к одному и тому же. От инстинктов не убежишь. Я уже всерьёз подумывала выйти замуж за Илью.

Нет, серьёзно! Он стал совсем мужчиной и бросил все эти виртуальные миры. Мы часто гуляем и ездим на природу. Вот я до сих пор не могу ответить, почему я люблю природу только в Карелии. Я её везде люблю, но здесь прямо дух захватывает. Просто поразительно. Я готова каждый день ездить на эти Рускеальские водопады, или Мраморные карьеры, или по озёрам. Здесь всё божественно. Я вообще не понимаю, как меня, такую смуглую и горячую, затесало сюда, к этим холодным полуфиннам. Как я смирилась с этими морозами под минус сорок, с этим летом не выше пятнадцати, с этими ночами всю весну и лето белыми, что и глаз не сомкнуть. Это я, та девочка, которая свои первые пять лет жизни провела в таком месте, где за все время снег выпал один раз и то по недоразумению. Где зимой обычно не ниже плюс пяти. Я же на утренники ходила в летних платьях, а тут все в шарфах по брови и в пуховиках. Что же я у тебя, мама, такое недоразумение сплошное.

И ограничения себе эти глупые придумала, которые в совокупности нужно назвать «хочу по любви». Потому что если по любви, то всё равно, на сколько он лет тебя старше. Не пойду я замуж за Илью, мама. Жди внуков дальше. Я, кстати, решила мальчика хотеть.

Как же мне найти хоть какое-нибудь разумное объяснение всем моим поступкам, выходкам и решениям? Как же так можно, в одном письме решить сразу, что выйдешь замуж, а через десять строчек написать, что этот человек тебе больше совсем не нужен. Как так можно сорваться в целях борьбы с одиночеством, а наткнуться на ещё большее. Наткнуться на пустоту. Это только я у тебя так умею, мама.

Мне тут Влад постоянно звонит. Я держусь. Не отвечаю ни разу и тренирую самообладание.

Он меня бомбардирует сообщениями о том, что ужасно обо всём жалеет. Что очень хочет просто прощения попросить. Да, пора бы уже в его тридцать один хоть о чём-то жалеть. Я не хочу слушать его прощения, потому что знаю — мне снесёт напрочь всю крышу. Я ещё совсем не крепкая. Вернее, уже. Я крепкой совсем не стала, несмотря на возраст, работу и множество обязательств. Я перед милыми всегда плыла воском и в руках никак себя не могла держать. Они этим слишком все попользовались, и я теперь предпочитаю не связываться. Так что пи-рожки я перестала Илье печь. Зато приближаюсь снова к своим минус семи. Тебе есть, кем гордиться, мама. Будь спокойна.

Целую тебя и люблю. Твоя дочь.

6

ЗДРАВСТВУЙ, мама. И снова выпуск новостей.

В наш город приехал Влад. Я не знаю, как ему удалось меня разыскать, но он приехал. Он нашёл меня, и мне тут же срубило крышу, как я обещала. Я слишком падкая на красоты, широкие жесты и героические поступки.

Знаешь, вдруг показалось, что мне не так уж много лет и что я девочка. Маленькая девочка, которой не больше восемнадцати. Я по дороге с работы шла с ним, слушала его рассказы о том, как у него никого не осталось, кроме меня, сдерживала остатки разума и жалела. Жалела его за то, чего у него нет. Но я и ехидничала вовсю, мама, как те женщины, которыми я восхищалась когда-то.

Я помню, как меня поражала такая манера некоторых женщин общаться с любимыми. Я так никогда не могла, мама. Мне было очень тяжело сказать что-то грубое, пусть и в шутку, потому что я так всеми дорожила, что и дыхнуть боялась на них на всех. А они ничего, позволяли себе всё, что хотели. И меня это очень научило. Я поняла, что Пушкин, как всегда прав. Чем меньше, тем больше.

Я перестала быть обычной женщиной, которая готовит любимому плов и стирает рубашки. Я начала делать всё то, что мне хотелось делать много лет назад, когда мне отчаянно не в кого было вкладывать всю эту романтическую начинку. И он глотал её! Да с каким аппетитом. С каким азартом, мама, он искал меня там, где я устраивала ему невероятные свидания. Как завлекла его эта детская игра в казаки-разбойники по-взрослому. Мне стыдно говорить, мама, что я вытворяла с этим человеком.

И знаешь, до чего я довела эти игры? Я сбежала от него. Как он сбежал когда-то от меня. Ты сочтёшь меня за сумасшедшую, но я пишу тебе это письмо сейчас из поезда Сортавала — Питер. Я отправила Влада на пикник в наш парк Воккасальми, а сама быстро покидала вещи и уехала. Я остановлюсь где-нибудь в Питере, выжду, пока он уедет, и вернусь, чтобы забрать всё, уладить дела с работой и уехать оттуда совсем. Возможно, я перееду в Петрозаводск или в Приозёрск, например. О дальнейших своих передвижениях сообщу позднее.

Целую и люблю тебя. Твоя дочь.

7

ЗДРАВСТВУЙ, мама. Прошло уже два месяца. Ты не поверишь, но я снова в своём любимом городе. Я решила, что мне не от чего бежать, и вернулась. У меня здесь всё. Я была решительно настроена бороться за самообладание, но мне не пришлось это делать.

Не с кем было, мама. Влад уехал не следующий день, как мне сообщили. Уехал и даже не попытался ничего изменить. Я рада только тому, что не наделала глупостей и не поверила ему. Он всё такой же эгоист, как оказалось, который совсем не захотел трудиться для собственного счастья, а я устала. Устала делать это одна за двоих. Он так ничего и не понял, а я вконец разочаровалась в себе. Да, мама, именно в себе. Потому что какая из меня женщина, если за меня никто никогда не хотел бороться. Я всем давалась слишком легко. Это такая вечная мировая несправедливость — никто не любит любящих. Либо кто-то кого-то любит настолько сильнее, что они всё выдерживают.

Вот как мои Вика с Витей. Я наверняка знаю, что Витя свою девочку любит больше. Так и живут. Хотя какая она уже теперь девочка. Она ждёт ребёночка, мама. Я за них так рада, что прямо не передать словами. У Вики сначала были проблемы, но у них получилось, и они ждут девочку, скорее всего. Она стала ещё более хрупкой, несмотря на животик. Я бы сейчас всё отдала, чтобы в свои двадцать получить вот такой вот животик от человека, который меня на руках носит и пылинки сдувает. Но мне такие почему-то не попадались никогда, мама. Я всегда считала, что это всё выдумки, пока сама не увидела. И это чудесно. Да, это настолько чудесно, что совсем не хочется всё описывать банальными словами. Просто они счастливы.

Что же я у тебя такая нелепая, мама. Тыкаюсь ко всем со своей любовью, а никто брать не

хочет. Что же я делаю тут, в этом городке, где все знакомы через две стенки, где все про всех знают и никого уже не найти на новенького.

А знаешь, что? Я приеду к вам, наверное. Возьму отпуск и приеду. Вот как отмечу свои двадцать шесть, так сразу. Подышу Москвой, наконец. Окунусь в её безразличие и безжалостность. В общем, подлечусь — мне это полезно будет.

Твоя дочь ужасно устала, мама, но по-прежнему любит тебя. Целую.

8

ЗДРАВСТВУЙ, мама. Прости, но приехать не получится. У меня вдруг стало много-много дел и совсем не до отдыха.

Я открыла маленький флористический салон в центре города! Я так счастлива, мама, что ты себе представить не можешь. Вика вот-вот родит, Витя ужасно нервничает, а я счастлива их радостями и моим маленьким салоном. Я там продаю свои картины из цветов и букеты. Продаю, конечно, не я. Я пригласила Вику, и она с радостью согласилась у меня поработать.

Я принимаю активное участие в создании разных чудесных вещей. Картины делаю ночами, после работы, а букеты очень редко — в обеденный перерыв. Остальное всё на моей девочке. В общем, всё складывается как нельзя лучше. Мы процветаем, мама, потому что наш город сошел с ума. Тут, кажется, каждый второй собрался жениться и заказывают столько цветов, что мы с трудом всё успеваем.

Я решила, что если счастья для себя я так и не создала, то буду создавать для других. Больше мне ничего не остается. Я, кстати, снова танцую, мама. По пятницам в нашем баре на берегу. Да, я, солидная женщина уже, редактор с местного канала, владелица флористического салона, но и у меня могут быть слабости.

Знаешь, мама, всё вокруг нас очень хрупкое. Настолько хрупкое, что и не стоит дорожить этим всем. Да-да, совсем не стоит. Вот вчера у тебя что-то есть и ты держишь это в руках, а сегодня у тебя этого вовсе нет и держать нечего. И так во всем. И мне кажется, что по-настоящему свободен человек, который это понимает. Человек, которому терять нечего, — самый свободный. Но кому нужна эта свобода, если от неё только несчастнее делаешься? Уж лучше чём-то дорожить, быть привязанным и жить ради этого, чем вот так позволять себе не бояться умереть в любой момент. Но и это неправда, наверное, потому, что любой боится умереть, мама.

Я поняла одну важную вещь: все мы обиженные детством. Заражённые внутривенно. Детство — это самое опасное, что с нами происходит. Потому что оттуда в нас зарождаются все комплексы, все нелюбови к себе и вообще мысли об этой самой любви. Единственная сказка, мама, которую надо читать детям на ночь — это «Колобок». В ней заложено всё правильное: женщины коварны, а мужчины всегда уходят. Это всё, что нам нужно знать. И не нужна эта чудесная сказка про золушку, потому что принцы не ходят искать свою любовь, подбирая ножку под туфельки. Принцам не до этого — у них важные государственные дела, а нормальный мужчина, если захочет, он засунет любимую ножку в любую туфлю или новую пару купит. Только такие уже не водятся, мама. И не известно, были ли они вообще.

Я люблю тебя. Твоя разочарованная дочь.

9

СКАЖИ МНЕ, мама, почему я такая глупая у тебя. Почему такая нелогичная. Почему из всех мужчин, которые могли бы быть рядом и любить меня, я выбираю всю жизнь тех, которые так делать не умеют. Почему, когда мне говорили «люблю», я думала о том, который вчера отказался меня целовать, а смотрела на третьего, проходящего мимо и снисходительно осматривающего.

Зачем я набиваю шишки на этих жестоких людях, которые не вспоминали обо мне никогда. Я всегда думала, что наверняка вспоминали, но чёрта с два, мама. Ни один, ни однажды.

Я в этом городе такая забытая, почти забывшаяся. Я не помню, как мне мечталось в восемнадцать, как веселилось в двадцать два. У меня из этого всего было одно сплошное любилось. И всякий раз неудачно. Настолько неудачно, что лучше бы не любилось или хотя бы не помнилось. Но нет, память всегда играет с нами злые шутки. Да и как возможно забыть без вести пропавших. Ты думаешь, он один у меня такой был мальчик-пропажа. Нет, мама, их было множество. Я всегда боялась себе признаться, что сама виновата, но пора бы уже. Хоть сейчас, когда надежд не осталось, нужно признать, что что-то во мне не так, раз я ни одного не удержала. Даже в мыслях ни у единого не задержалась.

И самое обидное, что с этим уже ничего не сделаешь, ничего не изменишь, только вот ложись и вспоминай вечерами, как ты их любила. Как любила, а на все достижения, на все сурпризы получала как по трафарету одно: «ты ум-

ничка» и поцелуй в нос. Все как один, мама! Мне на седьмой раз так надоело быть этой «ты умничкой», что я больше не приехала к нему. Никогда не приехала и не звонила. И что самое смешное, он даже не пытался меня найти. Даже зная адрес, не попытался меня найти, мама. Знаешь, как это страшно?! Нет, ты не знаешь, как это страшно, ты всегда была гордой и умной женщиной, с тобой такие не случались.

А я после этого занялась исключительно работой. Да, именно после этого, мама. Ты всё спрашивала, почему я так ожесточилась, сосредоточилась тогда, в свои двадцать три. Вот тебе и ответ.

И вот я здесь благодаря собственным стараниям. Добилась, чего хотела, получаю нормальную кучу денег, а тратить-то не на кого. Я всё коплю на что-то абстрактное и трачу в основном на Вику и будущую крестницу. Это всё, что есть в моей жизни бесценного. Абсолютно всё. Даже на машину не мечтается, потому что тут весь город три километра по всем направлениям.

Я по-прежнему люблю тебя, мама. Люблю и целую. Твоя дочь.

10

НУ, ЕЩЁ РАЗ здравствуй, мама. Ждёшь новостей? Вот они, эти самые новости.

Я выхожу замуж. Замуж за Илью — больше не за кого. Я решилась на это, потому что зашла в тупик. Мне дальше некуда было двигаться, а я так не умею, у меня так не получается. У меня постоянная жажда строительства. Не карьеры, так семьи. Мне ведь уже двадцать седьмой год пошёл. Страшно подумать!

Всё-таки раньше люди были не те. Сколько бы мы ни спорили с тобой об этом, мама, вы были совсем не те. Неужели хоть кто-то из вас мог подумать, что двадцать семь — это ужасный возраст. Ужасно большой возраст. Наверняка никто не мог. Потому что всё было как по накатанной. В двадцать уже каждый мужчина думал о том, что нужно семью и детей. Что любимая — это совсем не лишняя обуза, а брак — не лишние обязательства, сковывающие по рукам и ногам. Потому что никто не думал, как будет тяжело потом ухаживать, чуть что. Как тяжело будет с этой коварной женщиной делить потом совместно нажитое. Понимаешь, мама, насколько мы теперь не такие. А ведь в этом-то и всё счастье, которое мне нужно. Ты просто родила меня не в те 80-е. Тогда некогда вам было мечтать о том, что будет несколько лет спустя. Большинство не знали, как это — разлюбить жену и что такое

алименты. И это всё было так чудесно. Да, на десятилетие минимум ты промахнулась, мама.

Ты прости меня, но я не приглашу вас с папой на свадьбу. Я не хочу, чтобы вы видели, что я не счастливая совсем с этим человеком. Я с ним обычная женщина, которая варит супчики и по субботам ходит за фруктами на рынок. Это всё печальная картина, учитывая, что из фруктов тут самое экзотическое — апельсины и бананы. Зато, мама, у меня очень красивое платье, уютный дом и будет кого обнимать вечерами, приходя с работы.

Он любит меня, мама, это бесспорно, только вот не придаёт мне блеска в глазах и мы вряд ли созданы друг для друга. В мире есть союзы и поудачнее, но что не сделаешь от безысходности. Ты бы наверняка ругала меня за то, что я так делаю, и, боюсь, уговорила бы бежать, будь ты здесь, рядом. Но нет. Тебе это не удастся, так как ты далеко и даже не знаешь, какие глупости я тут делаю.

Вот ты думаешь, почему я пишу эти письма? Потому что у меня духу не хватает рассказать тебе всё, что у меня происходит. Потому что мне страшно подумать, что с тобой будет, когда ты узнаешь, что я чувствую этими белыми ночами. Ты до сих пор думаешь, что у меня всё чудесно, что у меня полно друзей, поклонников и планов на жизнь. А на самом деле мне и нужно-то только, чтобы ребёнка родить, у которого отец будет. И я буду очень стараться, чтобы мой ребёнок никогда не узнал, что я совсем не люблю его отца. Вот и все мои планы на жизнь. На ближайшие лет двадцать. А там посмотрим, мама.

Я думаю, ты догадываешься, как мне здесь... хреново, если на чистоту. Догадываешься, почему у меня голос всё наиграннее и наши разговоры всё короче. Ты ведь понимаешь, что, кроме стандартного набора: «У меня всё хорошо, новые проекты, крестница растёт и салон процветает», есть ещё что-то. Главное, чтобы ты меня об этом не спросила. Потому что, если ты решишься на этот вопрос, я вряд ли смогу ещё терпеть. Поэтому вот всё, что мне остаётся, — это писать тебе письма, складывать их в ящик и ждать подходящего момента, когда я отдам тебе их все и ты прочтешь. А я буду рядом и расскажу тебе, что всё уже не так, что всё изменилось, что я люблю, живу и творю. Но, боюсь, мама, этого не случится, и ты никогда не прочтёшь эти письма.

А ты помнишь мою любовь, мама? Да, ту самую. Я тебе напоминала несколькими письмами раньше. Помнишь моего Влада? Ты очень многого не знаешь, моя дорогая. Настолько много, что и не расскажешь всего. Ты знала

только то, что розы его невероятно долго стояли, что он пропадал иногда и иногда подвозил до дома.

А ещё, мама, он иногда приходил в институт и сидел со мной на лекциях. Мы немного целовались с задних рядов, краснели и грелись осенью на газонах перед главным входом. Мы ещё как-то сбежали в Питер. Да, именно с ним, а не с моей подругой. Мы жили у него, гуляли много, залезали на крыши, смотрели развод мостов и кушали суши. Мы загадывали желания и целовались, целовались. А потом я написала ему смс: «Хочу определённости и тебя. Я очень скучаю». Тут всё и кончилось, мама. Тут-то я и умерла.

Это всё грустные истории, конечно, которые тебе не нужно знать. Это я так, что-то расслабилась.

Я люблю тебя, мама. Целую. Твоя дочь.

11

СУДЬБА ИГРАЕТ со мной в очень жестокие игры и не торопится объяснять, за что она так со мной, мама. За что она не объясняет правил. Здравствуй.

Вот что у меня тут происходит. Я танцевала в очередную пятницу в баре, как обычно на берегу, когда абсолютно незнакомый мужчина подошёл и предложил мне выпить. Ты не думай, мама, я не пью с незнакомыми мужчинами, в баре, ночью, алкоголь. Просто такая взяла тоска меня в тот день, что я не могла не выпить с красивой мужчиной, вечером, стакан сока. Кроме того, как он говорил, мама! Какой у него был голос! Ты бы поняла меня, если бы услышала. Тебе бы точно так же снесло голову от его ужасно возбуждающего «Вы потрясающе танцуете, могли бы вас чем-нибудь угостить». Я слышала это сотни и сотни раз, мама, единицы раз я соглашалась, но тут я даже не вспомнила, что такое держать себя в руках. Он много спрашивал обо мне, много молчал и, не отрываясь, смотрел. Но последней частицы разума я лишилась, когда он сказал, что живёт в Питере на набережной. Вот тут я рехнулась, мама, окончательно и бесповоротно. И если ты спросишь, почему именно после этого, то я не смогу объяснить тебе. Я себе-то это объяснила спустя только месяц.

Я предложила ему сбежать, мама, сбежать к нему, в Питер. И знаешь, что самое потрясающее? Он ни на секунду не засомневался, не удивился и не помедлил — я по глазам видела. Он спокойно попросил счёт и отвёз меня на вокзал.

Я не помню, как мы ехали в поезде, как мы прибыли в Питер, как я очутилась в его кварти-

ре — ничего этого я не помню, потому что всё это время он обнимал меня или держал за руку. А когда он это делал, я ничего не помнила, а только чувствовала, что нахожусь в его власти. А ещё я чувствовала, что нужна ему. Ещё ни один мужчина в моей жизни, мама, не смог дать мне это ощущение нужности. И я готова была как угодно его за это благодарить.

Вот такая вот сказка. Нравится, мам? Да, отличная сказка, чтобы рассказать её на ночь отчаявшейся семнадцатилетней дочери, когда та впервые разочаруется в мужчинах. Отличная сказка, чтобы хоть как-то продлить её веру в то, что чудеса случаются. Но это совсем не по мне, так что я продолжу.

Поначалу всё было действительно сказочно. Этот мужчина оказался новым владельцем нашего канала, который приехал в наш город для подписания всех необходимых документов по передаче прав на владение в его руки. Он оказался очень богат. Настолько богат, что ты и представить себе не сможешь. Мы провели вместе четыре недели, четыре самые лучшие недели в моей жизни, мама, но тут произошло то, к чему я стремилась ещё с той пятницы. То, что подтолкнуло меня на тот побег. Я встретила Влада, мама.

Я всё это время думала, что большего сумасшествия и придумать нельзя. Что я уже совершила самые невероятные поступки в моей жизни и что больше ни один человек не сможет довести меня до такого головокружения, как мой мужчина. Всё оказалось не так. Мне хватило только того, что я встретила Влада с женщиной. С абсолютно незнакомой мне, красивой женщиной. Вот тут-то и началось самое страшное. Я думала, что совсем забыла его, что мне совсем всё равно и не интересно, где он, с кем, но всё оказалось не так. Не то чтобы я вспомнила, как любила его, не то, чтобы я почувствовала, что сучала, но эта красивая женщина с ним...

Эта встреча пробудила во мне какие-то детские, нелепые чувства. Я обиделась на неё за красоту и за то, что она держит за руку моего когда-то мужчину. За то, что она ночью с ним и может целовать его когда угодно. Целовать то, что было моим. То, что я так берегла и любила. Она имела право на то, что я так заслужила когда-то. И при этом я прекрасно понимала прежде, что он не один, что кто-то наверняка есть в его постели, но я вдруг теперь ужасно приревновала. Вот как ревнуют в детском саду к воспитательнице, которая другой девочке больше внимания уделяет. И он меня увидел, конечно, потому что я не стала бежать, прятаться, смущаться. Я поздоровалась с ними, мы даже по-

болтали, как старые приятели, и разошлись. А на следующий день я решила в это же время быть в том же месте, чтобы встретить его.

И я его встретила, мама. Одного, без этой женщины, которая оказалась его женой. Мы разговаривали, а выглядело это так, словно мы обличали друг друга в измене, будто что-то друг другу должны были. Мы предъявляли претензии, хотя давно не имели друг на друга прав. И с того самого дня у меня появилась одна цель — сделать ему больно. Каждое моё откровенное платье, каждое моё появление на улице с моим мужчиной было стремлением отомстить ему, уничтожить. Я нарочно познакомила Влада с моим Сашей, я специально подружилась с его женой Леной. Я сделала так, что она приглашала меня с ними гулять, в театры, кафе, гости. И я почти никогда ей не отказывала. Но особенно я любила ходить с ними в клубы. Мы шли все вчетвером и каждый раз, когда я выходила на танцпол, я знала, что он меня хочет. Я знала, что он ужасно злится на меня за то, что его жена неповоротлива. Он просто впадал в бешенство, когда я целовала Сашу. Держался он при этом всегда идеально, только глаза выдавали. А один раз он даже не выдержал и сорвался. Он рванул за мной, когда я пошла умыться, прижал в каком-то углу и начал целовать. Так неистово и так горячо, что я не смогла оттолкнуть его.

Я не остановилась на этом. Я сделала так, что его жена стала считать меня лучшей подругой, она стала рассказывать обо всём, что происходило в их семье. Я знала о его жизни всё, начиная с любимого сорта кофе, заканчивая временем возвращения с работы. В это время я как раз возвращалась из магазина с фруктами, например.

А потом, мама, я начала делать глупости. Только делая их, я думала, что делаю что-то элегантно-коварное, а оказалось всё не так. Оказалась правда жизни.

Мы как-то провели с Владом несколько безумных дней. Мы сказали своим, что полетим в Москву на встречу выпускников, а сами отправились в небольшой городок под Питером. И мы даже не потрудились объяснить, почему мы в разных университетах, а встречи в один день. И я ведь думала, мама, что это часть моего грандиозного плана, что я сделаю всё так, как хочу, и добьюсь всего. А вышло не так совсем.

Три дня вместе мы вытворяли странные и весёлые вещи. Я делала вид, что абсолютно счастлива с ним. На самом деле так и было. А когда мы вернулись, я затихла. Я не звонила ему, не писала, не приглашала их с женой в гости, а только часто виделась с Леной. Я вела себя

абсолютно естественно и бесстыдно. Передавала через неё приветы Владу и мило улыбалась, даря какие-то приятные мелочи. Она обожала меня, мама. Я уверена, что каждый вечер она наверняка заводила с ним разговоры о том, какая я умница и красавица, как я её поддерживаю, какая я милая и самая-самая. Он в этот момент скукоживался весь, наверняка, съёживался и представлял, как ударяет меня по лицу. Даю тебе голову на отсечение, мама, что так и было. Я этим питалась вместо ужина и засыпала в постели с любимым мужчиной.

В одно прекрасное, как говорится, утро, мама, оказалось, что это я стала частью его плана, что не он рухнул в яму, а я. Нет, он не просто прислал на почту моему Саше фотографии, где мы вместе. Кстати, о фотографиях я не знала. Он извертелся и послал вирус, который при открытии высвечивал слайд-шоу с этими фотографиями. Мало того, что пропала база данных с какой-то важной документацией, так на экране несколько часов шла презентация с фотографиями, на которых были мы: бесстыдные, счастливые и мутные, как бутылки старых вин. А Саша сидел, смотрел и не мог оторваться. А потом

просто разбил монитор. Я даже не стала ничего доказывать ему. Я поняла, что это конец, и ушла.

Вот так, мама, заканчиваются современные сказочки. Вот так женщины, найдя стабильное, теряют всё ради одной большой и сладкой мести ли, глупости ли. Ну, все ради разного теряют. Знаешь почему, мама? Потому что вот такие сумасшедшие, подлые, страстные — самое настоящее, что бывает у нас в жизни. Самое единственное, чем мы дышим. Как бы дико ни звучало, но это у нас в крови. Делать глупости, которые потом нельзя будет никому рассказать. Которые и маме родной не поведаешь. Которые становятся единственным, что стоит вспоминать в старости, сидя на лавочке в парке. Я, кстати, недавно подумала, что стареть — это самое страшное. Детство тоже, но его испугаться не успеваешь, а вот старость — это очень. Тут, в одиночестве, становится слишком много времени, чтобы испугаться.

Мне двадцать семь лет и я стара, мама. Но всегда люблю тебя и папу.

P.S. Я жду дочь. Да, всё-таки дочь.